

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ

В.М. ПАШИНСКИЙ

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ)

Интеграция разных подходов является насущной необходимостью теоретической социологии. В данной статье феноменологический подход П. Бергера и Т. Лукмана используется для интеграции теоретических схем, примененных О. Контом, К. Мангеймом и Х. Ортега-и-Гассетом. Эти исследователи рассматривали проблему социального порядка как проблему социализации индивидов в рамках поколений. Показано, что результаты, полученные О. Контом, К. Мангеймом и Х. Ортега-и-Гассетом, могут рассматриваться с единой точки зрения, которая конструируется в рамках социологии знания, интерпретируемой как универсальная методология социально-исторического познания.

Ключевые слова: феноменологический подход, социология знания, проблема поколений, интернализация, экстернализация.

Постановка проблемы

Социологи, исследуя общественные процессы, имеют дело с крайне разнородной системой знаний как теоретико-методологического и инструктивно-методического характера (от общих теоретических ориентаций, парадигм и методолого-теоретических подходов до теорий среднего ранга и от конкретных методик работы до необозримой массы рабочих гипотез), так и «эмпирического» характера (созданный и социологами, и историками, и представителями других социальных

Пашинский Владимир Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Федерального бюджетного учреждения «Научно-исследовательский центр по проблемам управления ресурсосбережением и отходами».

Адрес: 141006, Мытищи, Олимпийский проспект, д. 42, комн. 209.

Телефон: +7 (905) 552-88-72. **Факс:** (495) 583-68-52.

Электронная почта: v_m_p@bk.ru

наук океан теоретически нагруженных фактов). Одна из наиболее заметных черт социологии, характеризующих пестроту материала, — мультипарадигмальность, свидетельствующая не просто о разнородности, но о несопоставимости результатов, получаемых в рамках разных разделов одной науки.

Поэтому основной задачей социологии является формирование исследовательского подхода, который позволил бы с единых позиций интерпретировать и интегрировать результаты, полученные в пределах разных социологических парадигм; который по определению обеспечил бы исследователю восприятие связи между развитием человека и создаваемыми им обществами во всем разнообразии ее возможных форм. На наш взгляд, таким потенциалом обладает только социология знания, сформировавшаяся в рамках феноменологического подхода.

В социологии знания само понятие «знание» многозначно, то есть под ним понимается все, что люди обозначают этим словом [1, с. 12]. При подобном подходе любое социальное действие является собой действие по конструированию социальной реальности, то есть связывает процессы развития индивида, создания и использования знания с социально-историческим развитием общества. Лишь концепции понимаемого таким образом знания дают необходимую возможность для довольно полного исследования социальных процессов вообще и социетальных законов в частности [1, с. 9–37].

В интерпретации П. Бергера и Т. Лукмана «главный для социологической теории вопрос» (вопрос о социальном порядке) приобретает следующий вид: «каким образом субъективные значения *становятся* объективной фактичностью?» [1, с. 9–37]. С нашей точки зрения, столь общая смысловая перспектива, предложенная П. Бергером и Т. Лукманом, позволяет единообразно анализировать результаты самых разных по своим методологическим основаниям исследований. Ради целей данной статьи особенно важно, что два основных понятия — интернализация и экстернализация [1, с. 85–89, 99–103], — используемые для описания взаимодействия индивида и общества, в границах такой смысловой перспективы отражают сущность социального развития как взаимодействия субъекта и объекта. Интернализация — это освоение индивидами форм окружающей их социальной реальности, а экстернализация — создание индивидами форм социальной реальности. Тем самым любая рождающаяся во взаимодействии индивида и общества социальная динамическая целостность может изучаться с точки зрения своих характеристик — пространственных, временных и качественно-количественных — как составная часть социальной реальности; соответствующие социетальные законы являются законами социально-исторического развития [1, с. 42–44, 48–51].

Основной вклад в анализ поколенческой динамики, как принято считать, принадлежит О. Конту, К. Мангейму и Х. Ортеге-и-Гассету (см., в частности: [16]). Далее будет представлено, каким образом предлагаемая П. Бергером и Т. Лукманом общая смысловая перспектива позволяет с единых позитивистских позиций изучать основные результаты поиска закономерностей поколенческой динамики, полученные в разных исследовательских направлениях, таких как позитивизм О. Конта, социология знания К. Мангейма и философия жизни Х. Ортеги-и-Гассета. Для этого необходимо показать единство оригинальных систем понятий, которые названные исследователи использовали для анализа поколенческих закономерностей социально-исторического развития. Именно создание системной понятийной базы обеспечит последующую возможность интеграции разнородных результатов в единый комплекс знаний о законах поколенческой динамики (от разработки универсальной модели регулярной поколенческой динамики до идентификации регулярных поколенческих циклов в истории реальных обществ); однако эта тема уже выходит за рамки данной статьи.

Основные понятия в исследовании законов поколенческой динамики

Кратко опишем используемую в нашей статье систему определений, не вдаваясь сейчас в характер различий между понятийными аппаратами названных выше исследователей (этот вопрос будет каждый раз нами рассматриваться конкретно, в определенном месте нашего аналитического разбора). Обозначим — вслед за Х. Ортега-и-Гассетом — двунаправленный процесс интернализации и экстернализации единым термином «социализация» [9, с. 303–306] и откажемся от предложения П. Бергера и Т. Лукмана, фактически сводящих понятие социализации к интернализации [1, с. 210–213]. Кроме того, нам представляется не самым удачным их понимание и использование ими терминов «интернализация» и «экстернализация» [1, с. 101–103].

П. Бергер и Т. Лукман, трактуя общество как «непрерывный диалектический процесс», выделяют лишь три «диалектических момента социальной реальности» (интернализация, экстернализация и объективация [1, с. 101–103]), то есть нечетное число «моментов». Между тем по отношению друг к другу процессы экстернализации и интернализации имеют своего рода «зеркальный» характер, следовательно «диалектических моментов» должно быть четное количество. Отсутствующий «момент» установить несложно. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, процессам экстернализации, объективации и интернализации соответствуют три существенных характеристики социального мира: «Общество — человеческий продукт. Общество — объективная

реальность. Человек — социальный продукт» [1, с. 101–103]. Таким образом, они пропустили четвертый «диалектический момент» и соответственно четвертую «существенную характеристику социальной реальности», которую мы сформулируем, скажем, следующим образом: «человек — субъект деятельности».

Это легко установить, следуя логике самих ученых. В рамках процесса формирования общества человеком Л. Бергер и Т. Лукман выделяют две составляющие: экстернализацию и объективацию. Экстернализация — создание человеком новых форм социального поведения; объективация — приобретение этими формами надындивидуального характера [1, с. 88–103]. Но тогда в рамках «зеркального» процесса формирования человека обществом тоже должны быть две составляющих: интернализация — механическое освоение индивидом стереотипов поведения; субъективация — включение форм поведения в целостный внутренний образ мира, которым индивид руководствуется в своих поступках и действиях как субъект деятельности. В подобном случае психологи говорят о формировании гештальта, то есть об особой переработке внешней информации, благодаря которой информация включается в целостную человекообразную картину мира, формирующуюся у каждого представителя *Homo sapiens* в силу присущих представителям данного биологического вида ограничений на объем памяти и на пропускную способность органов чувств и мозга по восприятию и обработке поступающих сигналов (см., например: [3])¹.

Наиболее удобным представляется следующий вариант: экстернализация в широком смысле включает, во-первых, экстернализацию и, во-вторых, объективацию, как их понимают П. Бергер и Т. Лукман.

¹ Отметим, что типовые параметры объема памяти и скорости переработки поступающих сигналов заложены на генетическом уровне и потому примерно одинаковы у основной массы нормально развившихся особей одного вида. Данные типовые параметры могут существенно отличаться от аналогичных у нормально развившихся особей других видов, но во всех случаях эти параметры *всегда конечны по своей величине*. Это создает серьезную проблему, так как полный поток разного рода сигналов, окружающих каждое живое существо, многократно превышает возможности органов чувств и мозга отдельного индивида (отдельной особи) по восприятию и обработке этих сигналов. Поэтому живым существам пришлось выработать по ходу своей эволюции способы селекции сигналов; именно селекция сигналов и другие формы обращения с ними (хранение соответствующей сигналам информации или подготовка к её передаче) и обеспечивают формирование гештальта, то есть инструмент выживания живого существа как особой (холистической) целостности.

Экстернализацию в понимании П. Бергера и Т. Лукмана мы будем называть «экстернализацией в узком смысле», чтобы отличать от экстернализации в широком смысле. Соответственно интернализация в широком смысле есть, во-первых, интернализация в узком смысле слова и, во-вторых, субъективация. Словосочетание «в узком смысле» является значимой частью терминов и в зависимости от его наличия или отсутствия будет предполагать разное толкование понятий «экстернализация» и «интернализация». При этом, повторим, экстернализация и интернализация образуют две стороны социализации.

Именно данная система определений позволяет идентифицировать единство понятийных систем О. Конта, К. Мангейма и Х. Ортеги-и-Гассета.

Как известно, эти ученые представляют разные направления социальных исследований. Однако разработка поколенческой проблематики была для них способом ответить *на один и тот же вопрос*: каким образом поведение отдельного человека связано с развитием общества [12, р. 442–454; 7, с. 9, 14; 10, с. 4]. Поэтому нет ничего удивительного, что при всех своих различиях они шли близкими тропами, а предметы их исследований даже в оригинальной постановке, не говоря о позитивистской интерпретации результатов анализа, несли в себе родственные черты, относящиеся к процессам социализации, то есть к процессам освоения, выработки и передачи знания. Перечислим основные положения, объединяющие разработки всех троих ученых:

- 1) одна и та же проблема — развитие общества во взаимосвязи с проблемой поколений;
- 2) предмет исследования — то есть целостность, рождающаяся «на пересечении» объекта и метода, — характеризуется набором из двух основных понятий;
- 3) система смысловых связей между этими двумя понятиями имеет один и тот же вид и соответствует связи между понятиями интернализации и экстернализации.

Начнем с первого положения — проблематики.

Основная проблема исследований О. Конта — сочетание стабильности общества (социальная статика) и изменчивости общества (социальная динамика). Как отмечает Ю.Н. Давыдов, «главный вопрос, волновавший Конта-социолога: как совместить *развитие* общества и сохранение его упорядоченности? Как сделать, чтобы социальные трансформации <...> не разрушали самих *основ* общественности?» [5, с. 105]. В свою очередь смена поколений является одной из движущих сил социальной динамики, которая О. Конту представлялась в виде социального прогресса [5, с. 87–102; 12, р. 451–455].

К. Мангейм в работе «Проблема поколений» анализирует вопрос развития общества через призму проблемы поколений; последняя для него: «...бесценное руководство для понимания структуры социальных и интеллектуальных движений. Ее практическая значимость становится ясна, стоит только попытаться получить более точное представление об ускоренном темпе характерных для современности социальных движений» [7, с. 20].

Х. Ортега-и-Гассет формулирует проблему развития общества в контексте философии жизни. Для него «коренной вопрос истории не в том, как изменялся человек, а в том, как изменялась объективная структура жизни» [9, с. 249]. Проблема развития общества в ее связи с проблемой поколений ставится им вполне по-позитивистски: «Возможна ли квазимеханика истории? <...> Моя единственная просьба к историкам — чтобы они <...> вместо того чтобы конструировать историю наощупь, не отдавая себе в этом отчета, стали бы конструировать ее сознательно, исходя из четкой идеи о существовании в нашей жизни некой общей, единой структуры, которая одинаково проявляет себя в любом пространстве и любом времени» [9, с. 238–241]. Под этой структурой он подразумевает поколенческую структуру развивающегося сообщества [9, с. 271–285].

Нетрудно видеть, что во всех трех подходах проблема поколений оказывается одной из основных, если не самой основной составляющей более общей проблемы социального развития. При этом и у К. Мангейма, и у Х. Ортега-и-Гассета отчетливы позитивистские интенции подхода к проблеме поколений, позволяющие рассматривать полученные ими результаты в общем контексте, позитивистская направленность которого задана уже О. Контом.

Последующий анализ второго и третьего положений будет представлять собой использование идеи о двунаправленном процессе социализации для критического анализа взглядов каждого из троих ученых с единых позиций. Именно этот анализ позволяет выделить из трех концепций общие элементы, которые обеспечивают сопоставимость результатов, полученных О. Контом, К. Мангеймом и Х. Ортега-и-Гассетом, и могут быть использованы для поиска законов поколенческой динамики.

Критический анализ особенностей подхода О. Конта к проблеме поколений

Анализируя связь прогресса человечества с динамикой поколений, О. Конт делает наблюдения, два из которых важны для нашей работы.

Согласно одному из них существует «состояние неизбежной и непрерывной войны, которое стихийно устанавливается между инстинктом социального консерватизма, привычным свойством старости, и инстинктом инноваций, обычным атрибутом юности» [12, р. 451]. Данное наблюдение фиксирует своего рода исходное положение вещей в проблеме поколений: наличие двух основных системообразующих факторов (инновационный и консервативный инстинкты) и связанных с ними периодов жизни — юность, зрелость и старость. Юность — время доминирования инновационного инстинкта; старость — консервативного инстинкта; зрелость демонстрирует сбалансированное состояние и того и другого.

Согласно второму наблюдению «исключительная краткость индивидуального существования, из которого среди многочисленных физических и моральных помех едва ли тридцать лет могут быть использованы иначе чем на подготовку к жизни и смерти, ясно устанавливает неудовлетворительный с любой точки зрения баланс между тем, что человек способен надлежащим образом познать, и тем, что он в состоянии реализовать практически» [12, р. 453]. Здесь О.Конт говорит о результирующем эффекте взаимодействия двух инстинктов: примерно тридцать лет сбалансированной активности зрелого человека — между его юностью и старостью.

На наш взгляд, эти наблюдения О.Конта довольно ясно описывают две стороны процесса (уже намного позже названного социализацией), то есть экстернализацию — о ней О.Конт говорит как о юношеском инстинкте обновления, и интернализацию — о ней он говорит как о консервативном инстинкте. Действительно, в первом случае реальность меняется благодаря человеку, который исходит из собственных представлений о более подходящем устройстве жизни и тем самым трансформирует окружающий мир, приспособлявая его к себе (процесс экстернализации); во втором случае существующая реальность подминает под себя человека, который адаптирует свою жизнь к окружающему миру (процесс интернализации).

Конечно, в построениях О.Конта отсутствует детализация, позволяющая различать четыре составляющих процесса социализации (экстернализация в узком смысле, объективация, интернализация в узком смысле и субъективация). Эта детализация, как будет видно далее, не всегда просматривается и в построениях К.Мангейма и Х.Ортеги-и-Гассета. Но для целей нашей работы вполне довольно указанного сходства взглядов О.Конта с уточненной схемой механизма социализации.

Критический разбор некоторых результатов поколенческого анализа К. Мангейма

Прежде всего, необходимо отметить, что во взаимодействии человека и социальной реальности К. Мангейм выделяет три уровня: ментальную сферу, физическую сферу и находящийся между ними «бытийный уровень, на котором действуют социальные силы» [7, с. 19–20].

Что касается процессов интернализации и экстернализации, то К. Мангейм вполне отчетливо различает их, хотя и не использует соответствующих терминов. Например, он констатирует, что молодости свойствен «потенциально более радикальный» тип «свежих контактов» и что именно «появление новых людей» в обществе «дает возможность, когда это необходимо, сделать свежий выбор; оно же облегчает переоценку “инвентаря”, а также научает нас забывать то, что уже бесполезно, и жаждать того, что надлежит достигнуть» [7, с. 27–29]. Старшей части общества, отмечает К. Мангейм, накопленный с годами опыт «дает преимущества во многих отношениях», но тем самым человеческое восприятие окостеневаает и «существует риск, что способы обладания и приобретения знания, используемые прежде, становятся препятствием для новых обретений» [7, с. 30]. Тем самым К. Мангейм фактически различает две стороны процесса социализации в их основных проявлениях у молодежи и более старшего поколения — экстернализацию и интернализацию; а именно экстернализацию как черту инновационного поведения, более выраженную у молодежи и существенно приглушенную у старшей части общества (поскольку старшие осуществляют контроль над процессами интернализации у молодежи, и поведение старших подчинено этой задаче), и интернализацию как способность молодежи считаться с ограничениями окружающего мира в меньшей мере, чем старшие, у которых более заметно консервативное поведение. Эти две стороны социализации К. Мангейм рассматривает в разных ракурсах, например, с точки зрения отношения учителя и ученика [7, с. 33–35], или анализируя характер переходных процессов между соседними поколениями [7, с. 35–36]. В вопросе о переходе между поколениями он отмечает, что в условиях статичности «молодое поколение стремится приспособиться к старшему», а в условиях усиленной социальной динамики «старшее поколение становится все более восприимчиво к влиянию младшего» [7, с. 35–36].

Суждение К. Мангейма можно — и это крайне важно для нашего анализа — сформулировать несколько иначе: в условиях статичности молодое поколение преимущественно стремится приспособиться к старшему, тогда как в условиях усиленной социальной динамики

младшее поколение более активно присваивает себе позиции старшего. Суть поправки заключается в расстановке акцентов. Во-первых, младшее поколение в процессе самоутверждения *всегда* стремится обойти старшее поколение, но даже в условиях статичности приспособление к старшему поколению не исключает инноваций, поскольку в зависимости от обстоятельств младшее поколение *меняет лишь тактику поведения* и степень усилий, направленных на перемены. Во-вторых, и это самое главное, одно поколение (неважно какое) поддается влиянию другого вовсе не потому, что оно *стало* более восприимчивым (общее правило состоит как раз в постепенном росте со временем инертности внутри *каждого* поколения), а по причине того, что другое поколение занимает в том или ином отношении более доминирующие позиции в обществе.

С точки зрения четырех составляющих процесса социализации (интернализация в узком смысле, субъективация, экстернализация в узком смысле и объективация) это означает, что в условиях статичности в поведении молодежи преобладает восприятие реальности как данности, то есть доминирует интернализация в узком смысле; по отношению к ней процессы субъективации носят подчиненный характер и не способствуют продуцированию новой картины мира, поэтому в рамках процессов экстернализации процесс объективации ограничивается преимущественно воспроизводством старых форм поведения, то есть носит существенно формальный характер. Если говорить об условиях усиленной социальной динамики, то в рамках интернализации основными становятся процессы субъективации, которые способствуют появлению новых форм поведения, ранее не известных в обществе, и тем самым процесс экстернализации вообще и объективации в частности становится мощным средством изменения социальной реальности. Другими словами, К. Мангейм дошел до крайних пределов методологического анализа «бытийного» уровня, в принципе доступного ему при существующей в то время степени разработанности системы понятий. В частности, в предложенном К. Мангейме анализе, на наш взгляд, явно ощущается необходимость в наборе понятий, обеспечивающих более детальный анализ процессов социализации.

Таким образом, беглый разбор взглядов К. Мангейма на проблему поколений позволяет идентифицировать сформулированное им представление о поколении как феномене «промежуточного» («бытийного») уровня, соединяющего единую надиндивидуальную духовную сферу с поведением отдельных индивидов (физическая сфера) в рамках некоторого нового единства, которое и получает у К. Мангейма название поколения. Эта взаимосвязь «бытийного» уровня и феномена поколения — значимый элемент, обязательный для построения

любой модели поколенческой динамики, включая регулярную динамику. В частности, интернализация в узком смысле слова и объективация описывают взаимодействие ментальной и бытийной сфер, тогда как субъективация и экстернализация в узком смысле слова — взаимодействие бытийной и физической сфер.

Критический анализ некоторых взглядов Х. Ортеги-и-Гассета на динамику поколений

Х. Ортега-и-Гассет четко определил две составляющие процесса социализации (интернализация и экстернализация) как два «измерения» жизни: с одной стороны, индивиды получают «пережитое предшествующими поколениями — идеи, оценки, институты и т. д.», а с другой стороны, индивиды следуют «спонтанному потоку собственной жизни» [10, с. 4–5].

Как полагал Х. Ортега-и-Гассет, в зависимости от относительного преобладания той или иной стороны социализации формируются два типа периодов социального развития: либо «кумулятивные эпохи», либо «эпохи отрицания и полемики»; «в первом случае молодые солидарны со старыми, подчиняются им: в политике, в науке, в искусстве ими руководят старцы. Во втором, поскольку речь идет не о сохранении и накоплении, а об отстранении и замене, старики выметаются молодыми. Это времена юных, эпохи обновления и созидательной воинственности. <...> Этот ритм эпох старчества и эпох юности является настолько очевидным феноменом истории, что удивительно, как на него никто не обратил внимания. Причина же в том, что еще никто не пытался создать новую научную дисциплину, которую можно было бы назвать *метаисторией*. Она соотносима с конкретными историческими науками так же, как физиология — с клиникой. Одним из самых любопытных метаисторических исследований явилось бы открытие больших ритмов истории» [10, с. 7]. (В скобках заметим, что как раз для такого рода исследований — от уточнения понятий до открытия законов — и назначал Х. Ортега-и-Гассет свой «новый — и по существу, и по форме — метод поколений» [9, с. 268, 269].)

Утверждение Х. Ортеги-и-Гассета о существовании «эпох юности» и «эпох старчества» содержит отчетливую отсылку к представлению о четырех составляющих процесса социализации. «Эпохи юности» — это периоды развития общества, когда в процессах социализации доминирует функция перемен, обеспечивающиеся соответственно процессами субъективации и объективации, тогда как в «эпохи старчества» в процессах социализации доминирует функция воспроизводства сложившихся отношений, и главная роль принадлежит интернализации в узком смысле и экстернализации в узком смысле. Во втором случае субъективация и объективация приобретают

преимущественно формальный характер. Другими словами, взгляд Х. Ортеги-и-Гассета на характер связи между поколенческой динамикой и социально-историческим процессом является настолько исчерпывающим, что без каких-либо поправок легко интерпретируется в терминах четырех составляющих процесса социализации. (Заметим, что именно эта полнота и позволила ему предложить формальную схему регулярной поколенческой динамики, то есть описать численные параметры поколенческих процессов, и тем самым почти решить задачу, от которой вынужден был отступить К. Мангейм.)

В социальных исследованиях описано несколько типов относительно регулярных процессов, в первую очередь социально-экономических циклов, имеющих конкретный общественнонаучный смысл. Речь идет о циклах Дж. Китчина (3–5 лет), К. Жуглара (7–10 лет), С. Кузнеца (15–20 лет) и Н. Кондратьева (40–60 лет) [14; 13; 15; 11; 6]. По мнению многих экономистов, эти циклы имеют следующее социально-историческое содержание: первые представляют собой циклы товарных запасов; вторые — циклы смены оборудования; третьи связаны с динамикой миграционных процессов и жилищного строительства; четвертые обусловлены сменой воспроизводственных структур в масштабе национальных экономик и мирового хозяйства (так называемые технологические уклады) [6, с. 214–224; 17, с. 164–174; 4; 8; 2, с. 66–81].

С точки зрения социологии знания каждый из этих циклов отражает особенности функционирования человеческого знания (в широком смысле этого слова) в определенной сфере человеческой жизнедеятельности и поэтому может рассматриваться как результат процессов социализации в отдельных сферах существования общества. Тем самым анализ соответствующих процессов с позиций социологии знания, как и в случае с поколенческими процессами, открывает перед исследователями новые возможности в изучении социальных закономерностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Е. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля. В 3-х т. Т. 3. М.: Прогресс, 1992.
3. Вертгеймер К. О гештальттеории / Пер. с нем. // Хрестоматия по истории психологии. Период открытого кризиса (начало 10-х — середина 30-х годов XX в.) / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 84–97.

4. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992.
5. История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1 / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон, 1997.
6. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: Экономика, 1989.
7. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений — составительность — экономические амбиции / Пер. с нем. Е.Я. Додина; отв. ред. Л.В. Скворцов. М.: ИНИОН РАН, 2000.
8. Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: Международные отношения, 1989.
9. Ормега-и-Гассет Х. Избранные труды / Пер. с исп. А.Б. Матвеева и др.; сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. 2-е изд. М.: Весь мир, 2000.
10. Ормега-и-Гассет Х. Что такое философия? / Пер. с исп. М.: Наука, 1991.
11. Abramovitz M. The passing of the kusnets cycles // *Economica*. 1968. Vol. 35. No. 140. P. 349–467.
12. Comte A. Cours de philosophy positive. Vol. I-VI. Vol. IV. Paris: Bailliere, 1864.
13. Juglar C. Des crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Engleterre et aux États-Unis. Paris: Guillaumin, 1862.
14. Kitchin J. Cycles and trends in economic factors // *The Review of economic statistics*. 1923. Vol. 5. No. 1. P. 10–16.
15. Kuznets S. Economic growth and structure. Selected essays. London: Heinemann, 1966. P. 328–378.
16. Marias J., Rintala M. Generations // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 6 / Ed. by D.L. Sills. New York: Macmillan; Free press, 1968. P. 88–96.
17. Schumpeter J.A. Business cycles. A theoretical, historical and statistical analysis of the capitalist process. Vol. 1–2. New York: McGraw-Hill Book Company, 1939.